

Смерть на фуникулере

Автор:

[Тони Бранто](#)

Смерть на фуникулере

Тони Бранто

Детектив с трогательным финалом

Словенские Альпы.

В предвкушении чудесного отдыха в уютном горном отеле, благородное английское семейство Робинсонов, а с ними известная американская писательница, наконец вышли из фуникулера на свежий воздух. Все, кроме миссис Робинсон... Ее бездыханное тело так и осталось лежать в пустой кабинке в неестественной позе. Еще накануне женщина жаловалась на недомогание. Но близкие приняли это за очередной каприз вздорной мадам. Миссис Робинсон была в отчаянье, назревал серьезный конфликт... И вот она мертва. Смерть сошла бы за несчастный случай, если бы не бутылка ликера со следами странного порошка, из которой пила погибшая... Случайно оказавшийся в отеле английский студент Адам Карлсен уже имеет опыт расследования преступлений. И он берется выяснить причину загадочной трагедии...

Роман в лучших традициях классического детектива с изрядной долей черного юмора.

Загадочное преступление, узкий круг подозреваемых, проницательный сыщик, непредсказуемая психологическая развязка... И все это на фоне умиротворяющих красот высокогорного альпийского курорта.

«Как же я истосковался по хорошему детективу. Степенному, утонченному, пропитанному нуарной романтикой тайн. Этот роман – глубокий книксен классикам жанра. В нем "английское" все, начиная от самого названия. Не забудьте налить себе кружку чая перед тем, как приступите к чтению». – Генри Сирил, автор бестселлеров «Сценарий». «80 сигарет» и др.

«Книга написана настолько интересно и правдиво, что ты в буквальном смысле чувствуешь себя участником событий. Гуляешь вместе с героями по живописному городу, слушаешь их разговоры, с замиранием сердца смотришь на белоснежные вершины Альп... А в самый опасный момент будто бы чувствуешь за спиной дыхание убийцы, не смея обернуться...» – Николай Прокофьев, редактор книги

Тони Бранто

Смерть на фуникулере

Tony Branto

DEATH ON THE FUNICULAR

First published in Great Britain in 2022 by Clays

Дизайн переплета – Jason Anscomb

© Бранто Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Часть I

Любляна

Глава 1

На левом берегу Любляницы, рядом с Трёхмостовьем, молодая женщина намеревалась сделать снимок утки. Вырисовывалась неплохая тональная перспектива: коричневое оперение птицы, за ним – дымчато-синяя река, а ещё дальше – белый снег.

Мисс Вероника Бёрч выбрала ракурс крайне удачный (ради него пришлось почти лечь – благо никто не видел!), настроила фокус. Утка будто смиренно ожидала щелчка камеры.

– Отлично, – прошептала Вероника.

Осталось дождаться, пока из кадра на заднем плане исчезнет прогулочный кораблик, тогда будет то, что надо.

И вот только речная поверхность успокоилась от последних волн, в объектив влезла чья-то тень. Вероника Бёрч выругалась, опустила фотоаппарат... и ощутила дрожь, мгновенно охватившую всё тело, как в прошлый вечер. А ведь она уже пришла в себя, поверив, что смогла скрыться от преследователя!

К ней направлялся рослый мужчина лет двадцати-сорока в натянутой до густых бровей шапке, весь в чёрном и на первый взгляд грязном – словом, бандит бандитом. Он вынул руки из карманов и что-то крикнул...

Вероника кинулась удирать. Через площадь мимо церкви францисканцев, за угол, по узкой мощёной улочке. Она услышала сдавленный крик позади – кажется, здоровяк упал. Слава тебе господи! Но, пробежав ещё ярдов двадцать, девушка, поскользнувшись, уже сама выделявала немыслимые балетные фигуры на заледенелой брусчатке, затем грохнулась и на животе с визгом докатилась до крыльца аптеки. Не оборачиваясь, не выпуская камеры из рук, она подскочила, дёрнула дверь. Аптека, слава богу, была открыта.

Оказавшись внутри, Вероника перевела дух.

Преследователь остановился поодаль – девушка видела его через витринное окно. Он прислонился спиной к стене дома, руки сунул обратно в карманы, а его немигающие глаза продолжали следить за ней. Точнее, за её новенькой камерой.

Кажется, она поняла это раньше из его выкриков и жестов.

Что теперь делать? Камеру она нипочём не отдаст. Эту редкую модель из Японии она ждала целых пять месяцев.

На мгновение Вероника пришла в неопиcуемый ужас: ведь ей не встретилось ни души, пока она спасалась от бандита. А если бы аптека не работала?

Ко второму дню своего пребывания в Югославии Вероника Бёрч успела привыкнуть к некоторым из местных причуд, хотя всё ещё не могла разобраться в рабочих часах магазинов и ресторанов – казалось, эти часы менялись на ходу ежедневно.

Так что же делать?

Лицо ожидающего за окном мужчины выглядело злобным. Представить его улыбающимся было непростой задачей даже для мисс Бёрч, а ведь она – писательница, успевшая завоевать любовь читателей по обе стороны Атлантики.

Навряд ли этот мужчина гнался за ней, чтобы получить автограф...

Она была наслышана о славянской красоте. Но это касалось женщин, которых она так и не успела пока рассмотреть. А вот про местных мужчин Вероника ничего не слышала.

Её привёз сюда поезд, следовавший из Парижа, потому первыми югославами, с которыми ей довелось повстречаться, были таможенники.

Такого нипочём не забудешь.

Ночью её разбудил громкий стук в дверь купе и лай собак.

– Potni list![1 - Паспорт! (словен.)]

Бывалая путешественница, Вероника, казалось, знала слово «паспорт» на всех языках мира.

– Ameri?ki[2 - Американский (словен.)], – бросил один из офицеров, светя фонариком, и передал документ напарнику.

Мисс Бёрч попросили выйти в коридор. Её купе первого класса обыскали вдоль и поперёк. Рылись в вещах, пролистывали книги, обследовали даже туалетные принадлежности. Но настоящий шок она испытала, когда один из пограничников выдавил половину её зубной пасты прямо на пол. Что она могла провозить в этом тюбике? Бриллианты? Её трижды спрашивали, сколько наличных денег она везёт. Трижды сверили её показания с заполненной декларацией. Вероника была уверена, что, найди они хоть один лишний цент, запрятанный в нижнем белье, её без лишних разговоров сняли бы с поезда и посадили в тюрьму для особо опасных преступников.

В аптеке она достала зеркальце.

«Дорогая, ну и вид у тебя!»

И хотя в отражении была всё та же тридцатидвухлетняя Вероника со строгими правильными чертами и прозрачной бледностью кожи, мисс Бёрч недовольно покачала головой. Её волосы жаркого каштанового цвета растрепались и казались в ту минуту совсем тусклыми, словно перенесённый ужас отразился и на них.

Жалко было новое пальто из верблюжьей шерсти. Оно не очень тёплое для зимы, но так хорошо сидело и вообще...

Так что же делать? Звать полицию? Приедут ещё двое, ещё злее, чем этот тип...

Веронику отвлекла монотонная речь за спиной, она вспомнила, где находится, и обернулась. Здесь было немногочленно – двое молодых людей и продавщица. Один юноша – он был в очках – рассматривал витрину. Другой, повыше ростом, с кудрявой головой, стоял против женщины за прилавком. Кажется, он пытался с

ней спорить.

Его голос звучал тихо, просительно, будто он говорил что-то постыдное. Тем не менее от Вероники не скрылся его чистый британский выговор, несомненно удививший и обрадовавший девушку.

– Но послушайте. Я нуждаюсь в этом снадобье. Вы обязаны продать его мне. Этот рецепт должен иметь силу во всех цивилизованных странах...

Худая сухонькая женщина стояла прямо, как австрийский штык, и на все просьбы твердила одно и то же:

– Zdravnik nima jugoslovanskega priimka[3 - У доктора не югославская фамилия (словен.)].

Вероника кивнула сама себе:

«Первая вылазка за границу. Вот бедняга».

Кудрявый юноша сказал чуть громче:

– Я не понимаю. Пожалуйста, говорите по-английски...

– Извините, – обратилась к нему американка.

Её голос вспугнул британца, точно воришку.

– Эта леди объясняет вам, что вы должны сходить к местному лекарю и заплатить ему, чтобы он выписал вам рецепт.

– Ja, ja![4 - Да, да! (словен.)] – продавщица довольно тыкала пальцем в сторону мисс Бёрч.

Молодой человек с отвисшей челюстью долго смотрел на Веронику. На вид ему было лет двадцать. Русые волосы торчали над округлым добрым лицом и тревожными мечущимися глазами. Почти наверняка из хорошей британской

семьи – чувствуется воспитание.

Придя в себя, он закрыл рот и весьма неуверенно, но обиженно заявил:

– Но так не должно быть!

– Чужая страна – чужие законы. Меня вообще – если вас это утешит – с момента прибытия преследует один человек, весьма похожий на головореза, – дружелюбно поделилась Вероника. – Кажется, он хочет отобрать мою камеру.

Глаза юноши, беспокойные и без того, застыли в недоумении.

Нет, он слишком неуверен в себе. А ведь мисс Бёрч надеялась, что сможет ненадолго обзавестись компанией в его лице, и, возможно, это отбило бы у ожидавшего её негодяя мысли о разных глупостях.

Но, похоже, парень сам нуждался в опеке.

Вероника махнула рукой:

– Не обращайтесь внимания. Может, я смогу вам помочь? У меня целая аптечка всего на свете, правда, в отеле. Везде с ней езжу и бед не знаю. Что вам требуется?

Молодой человек нахмурился.

– Позвольте, – мисс Бёрч потянулась к его руке, нервно сжимавшей листок с рецептом.

– Не стоит! – рука с листком нырнула в карман пальто. – У меня... болит зуб.

– В таком случае, я могла бы дать вам обезболивающее. Или, если боль не сильная, могу посоветовать раствор из соды и соли. Наверняка в вашем отеле найдётся...

Молодой человек выскочил из аптеки.

Выражение досады, тихого отчаяния на его лице какое-то время маячило перед глазами Вероники, словно повиснув в воздухе.

– Gumbov ne prodajamo[5 - Мы не торгуем пуговицами (словен.)], – сухо сказала продавщица, уставившись на пальто девушки.

Мисс Бёрч сообразила, что лишилась пары пуговиц, пока совершала захватывающее турне на животе по заледенелым камням.

Да, стоило вызвать полицию. Приключения хороши, пока за вами идёт ангел в белом, а если он в чёрном и грязном... Впрочем, попытка установить контакт с продавщицей тоже провалилась – та уже равнодушно отчалила в другой конец прилавка к посетителю в очках.

Отвернувшись к окну, Вероника обнаружила две новости: пошёл снег, который она так любила, и куда-то исчез её головорез.

Глава 2

А в антикварной лавке, что ютилась на той же улочке, мисс Эмили Нортон пыталась купить деревянные часы в виде скворечника. Пожилая пара, владевшая магазином, упиралась в цене. Если походная сумка и удобные современные брюки ещё могли сбить с толку, то обувь на тонкой подошве и неумение стоять на своём выдавали в мисс Нортон новоиспечённую туристку с потрохами.

– Последние, что мы сохранить, – уверял мужчина. – Остальные – бух! – он хлопнул в ладони. – Война!

Его громкое гассирование в сочетании с сильным акцентом производило на слушателя магически устрашающее воздействие.

Эмили Нортон растерянно глядела на часы. Механизм работал ладно, что было продемонстрировано, но эти трещины на крыше и у основания домика...

– Да, вещь красивая, – неуверенно звучал голос мисс Нортон. – Хотя тут трещины...

– Где? Вот эти? Разумеется, есть трещины! Но очень- очень старые!

– И вот тут, кажется, не хватает одной птички...

– Ах, не хватать маленькая птичка! Милая мисс! До войны – бух! – мы ездить далеко, смотреть пирамиды. Сфинкс – бух! – нет носа! Там, где должен быть нос, – ничего нет! А мы платить за весь сфинкс, и за нос тоже! А пирамиды – много камней, много-много старых камней! Трещины, дыры, пыль, песок. словно там – бух! – война! Но вы должны много платить, много-много платить, чтобы видеть сфинкс без носа...

Он потёр указательный палец о большой.

Мисс Нортон была пристыжена.

– Конечно, вы правы. Со временем всё только дорожает. Я просто боюсь, что в дороге часы могут треснуть сильнее...

Сидевшая за кассой хозяйка не выдержала:

– Мисс!

Её кулак обрушился на крышу скворечника, словно молот аукциониста. Покатилось эхо.

– То је hrast![6 - Это дуб! (словен.)] – прозвучало, как «Продано!».

Теперь, после того, как дерево каким-то чудом не разлетелось в щепки, Эмили Нортон была повержена.

Мужчина полез под прилавок за картоном, обнажая дёсны в самой дружелюбной улыбке, на какую был способен.

– Упаковка – бесплатно!

Что ж, считала мисс Нортон, она сделала всё, что могла. А ведь и правда: дереву в часах должно быть не меньше ста лет, к тому же какой-то редкий местный производитель, а она так по-глупому себя повела, решив возражать. Но ведь её сестра учила – за границей нужно торговаться, а её сестра всё знает лучше.

Трогательная, милая, молодая – первое, что приходит на ум при виде Эмили Нортон. Воплощение бедной родственницы, почти библейское (если бы в Библии писали про младших незамужних сестёр).

Впрочем, писательница детективов Вероника Бёрч с порога дала иное определение мисс Нортон – хроническая старая дева. И даже несмотря на то, что Эмили Нортон было всего двадцать восемь лет, на которые она и выглядела.

В свою очередь Эмили, едва зазвучал колокольчик над дверью, не могла поверить своим глазам – в магазин вошла обожаемая ею писательница.

– Извините, – сказала Вероника, стряхивая с головы снег, – можно ли вызвать полицию?

Из рук продавца едва не выпал столетний дуб. Его жена встала со стула.

– Policijo? Tukaj? ?t! Nobene policije! Kaj za?[7 - Полиция? Здесь? Нет! Никакой полиции! Зачем? (словен.)]

– Понимаете, я стала жертвой возмутительного преследования, и...

– Мисс Вероника Бёрч! – не сдержалась Эмили. – Вы? Здесь? Это невероятно!

Как всегда, всё решил случай. Вероника привыкла наткаться на поклонников в самых укромных уголках планеты, а среди поклонников, знала она, нередко были хорошие рабы и защитники.

Вероника улыбнулась в ответ и спросила:

– Вы путешествуете одна?

– О нет! Боюсь, сама бы я уже давно потерялась где-нибудь ещё по дороге, выпала за борт или ещё что! – взволнованно зашебетала Эмили. – Я со своей старшей сестрой и её семейством. У них с Джоном трое детей, и я, можно сказать, свалилась на них четвёртым ребёнком.

Вероника поняла, что с определением «старой девы» попала в точку. Она улыбнулась ещё раз и поглядела на часы, которые были почти упакованы.

– Вы уже расплатились?

– Ой, что же я стою...

– За сколько вы их берёте?

Эмили, копошась в большой сумке в поисках кошелька, назвала цену.

– Вы с ума сошли! – мисс Бёрч повернулась к пожилой паре: – Я сама заплачу за эти часы, но вдвое меньше.

У женщины за кассой вмиг посерело лицо. Продавец, вероятно решив, что неправильно расслышал, спросил:

– Вы хотите купить часы? Невозможно. Эта милая мисс покупать часы.

Вероника одарила их усмешкой и, подхватив под руку Эмили, повела её на улицу.

– Мисс Бёрч, я...

– Вам нужно набраться опыта, дорогая, – говорила Вероника, словно старшая гейша давала наставления начинающей.

Они стремительно удалялись от лавки.

– Но как же...

- Подождите несколько секунд. Увидите.

По улице тихо сыпал снег. Через несколько секунд Эмили Нортон услышала далеко за спиной колокольчик. Продавец кричал им с крыльца магазина, и, что примечательно – куда-то делся его экзотический грозный акцент.

Вероника посмотрела на свою спутницу.

- Вы – волшебница! – заявила та.

- Ничего особенного. Мой отец владеет сувенирной лавкой. Он всегда изображает полнейшее непонимание, когда с ним пытаются торговаться на английском туристы из Японии. Ну что, заберём ваши часы?

Они рассмеялись. Через пять минут, неся увесистый пакет с одной стороны, а с другой держа под руку мисс Бёрч, Эмили охотно делилась подробностями своего первого в жизни вояжа.

Итак, ей было двадцать восемь. Работала массажисткой, в войну – медсестрой в госпитале. Они со старшей сестрой, её мужем и их тремя детьми добрались сюда на круизном лайнере «Королева морей». Корабль остановился в Триесте. До этого они посетили Венецию – удивительное зрелище зимой! – а до этого был Марсель – тут впечатлений меньше, но вот Барселона – другое дело! Конечно, покрытые снегом города так или иначе похожи друг на друга, но в одних тебе уютно, а в других – совсем нет. Говорят, зимняя Москва очень неуютная. Эмили боялась, что в Югославии будет так же. Век живи – век учишься. Югославия – восхитительна! Зимой это словно сказочное королевство! В детстве, помнится, её любимой книгой была та, где вместо привычных страниц были объёмные силуэты из картона. Там был замок на горе в самом центре, а вокруг него – деревня, и всё было покрыто снегом. Всё здесь так похоже на те картонки...

Вероника, не без удовольствия внимая потоку речей (они, безусловно, успокаивали), то и дело озиралась по сторонам. Уже стали встречаться прохожие, но у злобного незнакомца, по-видимому, появился новый объект преследования.

Через некоторое время они вышли к реке, и там, окончательно почувствовав облегчение, Вероника вынула из сумки камеру. Эмили в тот момент восторженно

вещала о красотах Каннареджо[8 - Район Венеции.].

- Только взгляните на этого дракона, - вклинилась мисс Бёрч в описание статуи Мадонны, когда-то украшавшей огород скульптора[9 - Имеется в виду Огородная Мадонна - одна из достопримечательностей Каннареджо.]. - Давайте вы встанете рядом, а я вас сфотографирую.

Эмили послушно перебежала дорогу и замерла прямо под крылатым змеем на постаменте. Вероника, сделав кадр, присоединилась к спутнице на мосту, и теперь они не спеша двигались к правому берегу Любляницы.

- Боюсь, я вас утомила, - сказала Эмили Нортон.

- Вы - глоток воздуха, дорогая.

- Вы так добры, купили мне часы, хотя впервые меня видите.

Мисс Бёрч остановилась, чтобы сделать снимок очередной утки. Когда заслонки камеры щёлкнули, она сказала:

- Деньги нужны, чтобы их тратить, а денег у меня много, - она улыбнулась.

- И вы их заработали честным трудом.

- Да, но что толку, если нельзя купить то, в чём поистине нуждаешься.

- Вы правы. Нельзя купить любовь.

Вероника остановилась, Эмили сделала то же самое. Писательница посмотрела новоиспечённой знакомой в глаза.

- Я говорила о вдохновении.

Мисс Нортон кивнула:

- О... Конечно... Какая же я недалёкая!

Вероника возразила:

- Вы человечнее меня. Любовь – прерогатива людей с сердцем.

- Я уверена, у вас большое сердце!

- Боюсь, я помешана на работе и больше рассуждаю как стратег.

- Но неужели вы совсем не хотите замуж?

- Вот этого я с детства боюсь. Мои родители развелись давным-давно. И вообще, знаете, я ещё не видела хороших браков. Я предпочитаю независимость.

Мисс Нортон посмотрела на своего кумира с нескрываемым обожанием, как преданный щенок на хозяина. Да, в свои молодые тридцать два года Вероника Бёрч воплощала собой самые передовые феминистские настроения.

- Кроме того, – добавила она, – счастье не вдохновляет.

Американка посмотрела в сторону и, вздохнув, сказала:

- И меня занесло сюда, потому как я, видите ли, в поисках вдохновения. Почему сюда? Сама удивляюсь. Югославия всегда оставалась для меня загадкой. Но я никогда не ищу логику в своих порывах – так можно и с ума сойти. Я придерживаюсь этого правила и в отношении других. Например, до сих пор не знаю, что такого в моей первой рукописи нашло то издательство, что взялось её опубликовать. Мне было семнадцать, и я была ошеломлена, ведь я и подумать не могла, что кому-то может понравиться моя писанина.

- «Смерть под воздействием гипноза»? О, я нахожу эту книгу гениальной! – поделилась Эмили.

- Но, дорогая, – ласково усмехнулась Вероника, – вы, конечно, понимаете, что это всё неправда? Нельзя на расстоянии трёхсот метров заставить совершенно здорового человека взять и заколоть себя кинжалом.

– О... разве... нельзя? – Казалось, это открытие повергло мисс Нортон в шок.

– Разумеется. Многие я почти от скуки просто высосала из пальца. А книга в итоге разлетелась как горячие пирожки. С тех пор я клепаю эти истории как заведённая машина. Они развлекают народ, они нужны, но только как фастфуд. Честно говоря, я устала быть машиной. Хочется хоть раз написать о том, что происходит в реальной жизни. О том, что не противоречит законам физики и логики. Но не хочется быть банальной. Простое бытовое убийство на почве ревности или денег – тоже не выход.

Вероника Бёрч вздохнула, помолчала с минуту. И сказала:

– Я хочу найти что-то такое... такой мотив для убийства, который бы запрятался куда-то в абсолютнейшую глубину человеческой натуры и при этом, чтобы он был... на поверхности.

Эмили Нортон сжала руки на груди и потрясённо уставилась на писательницу.

– Но я всё больше прихожу к выводу, что эта вроде бы простая задача оказывается мне не по зубам. Увы, богатое воображение – ещё не признак острого ума.

– Мою сестру хотят убить...

Слова Эмили прозвучали ясно и тихо, словно она была под гипнозом.

Брови мисс Бёрч удивлённо приподнялись. Она спросила:

– Вашу сестру? Кто же хочет её убить?

Но Эмили Нортон не была готова ответить сразу. Её внезапно охватила дрожь, стало переполнять какое-то чувство.

Что это было? Тревога? Отчаяние? Злость?

Вероника, глядя на мисс Нортон, не могла выбрать.

Наконец, стараясь, чтобы голос звучал ровно, Эмили сказала:

– Вы очень опытная путешественница, мисс Бёрч. Вы согласны со мной, что длительная поездка в чужую страну рано или поздно обнажает те наши качества, что мы пытаемся скрыть от других? Как будто мы вдруг, сами того не желая, становимся прозрачными для всех и наша суть выходит наружу.

Вероника призадумалась.

– Вы ведь имеете в виду что-то вполне определённое?

Эмили кивнула.

– Я никогда не путешествовала до этого времени. А сейчас такое ощущение... будто я и не знаю, кто эти люди.

– Понимаю. Да, такое случается. Пожалуйста, расскажите мне о ваших родственниках.

– Прежде всего я хочу рассказать вам о Тамаре, моей старшей сестре. Она – главный человек в моей жизни. Пускай я говорю банальности, но, мисс Бёрч, Тамара в самом деле уникальная личность. О таких говорят «штучный товар». Настоящая красавица, умница, обладает блестящими организаторскими способностями, но самое важное в ней то, мисс Бёрч, что она – добрейший человек на целом свете.

– Тамара... Какое редкое имя, – в голосе Вероники послышались новые нотки, как будто ей открылся захватывающий доселе невиданный вид с горы.

– Такое же редкое, как и сам человек. Это правда. Тамара всегда печётся обо всех вокруг. Её все обожают.

– Все? – вернулась со своей мысленной горы Вероника. – Но вы говорили...

– Да, я так думала. До этой поездки. А теперь вижу – люди вокруг всегда использовали её и продолжают использовать. Конечно, нехорошо такое говорить о собственных племянниках и зяте...

– В каком плане используют?

– Живут за её счёт. Умирая, наш отец оставил ей акции как самой сообразительной из нас. Акции тогда падали в цене, но Тамара ими правильно распорядилась, и теперь никто из членов её семьи ни в чём не нуждается.

– Но в таком случае, зачем же кому-то из них убивать Тамару?

– Дойную корову, вы хотите сказать, не убивают? Но деньги в случае её смерти остаются в семье, Тамара не составляла завещания. Она искренне любит свою семью.

– Всё унаследует муж?

– Да. Всё унаследует Джон.

– Сколько лет вашим племянникам?

– Коннору двадцать, Леонарду скоро восемнадцать, Мэри пятнадцать...

– Но, дорогая, они ведь ещё дети!

– Конечно, они дети... И они замечательные дети, я их очень люблю, как своих...

Эмили тяжело вздохнула.

Вероника взяла её за руку.

– Дорогая, я понимаю, о чём вы. Семейные дразги чаще всего выходят наружу в поездках. Но ссора, как мне видится, ещё не повод для убийства.

– Конечно, нет. Вы правы, – кивала Эмили. – И всё же... В последние дни я остро ощущаю, как сгущается чувство открытой ненависти вокруг Тамары. Знаете, мне часто снятся покойные родственники. Можете в это не верить, но однажды, когда после смерти нашей тёти мы долго не могли найти в её доме одну ценную фамильную вещь, ко мне во сне пришла сама покойница и рассказала, что

спрятала ту вещь за платяным шкафом. На следующий день мы отодвинули шкаф и всё нашли. Я хочу сказать, что я каким-то образом чувствую... Как голый нерв...

Пока мисс Нортон говорила, Вероника впервые наблюдала за её лицом с профессиональным интересом. Любая новая эмоция, сменявшая предыдущую, преображала это лицо так, что казалось, каждый раз говорил совершенно другой человек. И только в покое лицо было невыразительным, как белый лист.

- А Джон... не хочу говорить гадостей, не хочу...

- И не нужно.

- Я слишком люблю свою сестру...

- И потому принимаете её выбор.

- Всегда принимала любой её выбор. Даже Джона. Ему сорок три, а он всё играет.

- Скачки?

- Нет, если бы. Пытается строить из себя главу бизнеса, но его дело приносит исключительно убытки. Тамаре каждый раз приходится его выручать. До сих пор спонсирует все его причуды.

- Значит, вы в первый раз путешествуете?

- Да, это впервые.

- И инициатором поездки была ваша сестра?

Эмили кивнула.

- Она сама предложила мне поехать с ними. Я бы никогда не стала навязываться.

– Разумеется.

– Просто несправедливо, – мисс Нортон достала платок и вытерла нос. – Тамара всех пытается сделать счастливыми. Она так любит Джона и их... чудесных детей. Но что она получает взамен? Об неё просто вытирают ноги! Эти люди так неблагодарны!

Взгляд мисс Бёрч соскользнул с лица Эмили Нортон и устремился вдаль. В нём было сомнение, почти недоверие.

«Красива, умна, добра, печётся обо всех и главным образом о муже и детях».

Она поморщилась, будто среди слов попало одно горькое. Её губы еле слышно прошептали:

– Сама напрашивается, чтобы кто-то её замочил...

– Что вы сказали? – не расслышала Эмили.

– Ерунда, писательский цинизм, не обращайтесь внимания.

– А, да, конечно.

Вероника поглядела на свою камеру.

– И всё-таки, почему вы думаете, что кто-то из членов семьи желает смерти вашей сестре?

Эмили Нортон ответила, не раздумывая:

– Чутьё. Я вам уже говорила про тётю.

– Да, но всё же...

– А несколько дней назад из моей аптечки пропал веронал!

– И вы считаете...

– Мисс Бёрч, я допускаю, что бываю невнимательна, рассеянна. У меня случались промахи – несерьёзные, слава богу, – когда я работала в госпитале. Поэтому после войны я выбрала профессию массажистки. Мои руки всегда у меня на виду, и потерять или перепутать что-то в таком положении просто невозможно.

– То есть вы допускаете, что вполне могли потерять лекарство.

– Да, я это допускаю. Но чутьё, мисс Бёрч, меня никогда не подводило. Моей сестре грозит опасность.

Глава 3

Вероника Бёрч спросила:

– Что вы намерены делать?

– Я не знаю, могу ли я что-то сделать. Ведь есть вероятность, что коробочку с порошками я просто оставила в каюте на полке, а нервное напряжение в семье – просто нервное напряжение, и ничего больше.

– Вы не пытались поговорить об этом с Тamarой?

– Что вы! Не хочу, чтобы она волновалась на этот счёт. У неё и так здоровье слабое.

– Вы правы.

– Представляю, какой дурой я вам кажусь.

Мисс Бёрч коснулась плеча Эмили.

– Дорогая, меня со вчерашнего дня преследует человек с лицом бандита. Я сегодня убежала от него, поскользнулась и стесала всё пальто, пока летела на животе по заледенелым камням. Ну и кто из нас после этого дура?

– Какой ужас! – вырвалось у Эмили.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Вероника сказала:

– Давайте уйдём с моста. При всей романтике есть в этих драконах что-то устрашающее.

Эмили поёжилась и кивнула.

Мисс Бёрч спросила:

– Вы замёрзли?

– О нет, нет.

– Давайте я сменю вас и понесу часы.

– Ну что вы!

Через мгновение, когда пакет с часами уже перебрался под мышку верблюжьего пальто, две молодые женщины оказались на рыночной площади, заставленной палатками.

Мисс Нортон прокомментировала:

– Вот, оказывается, где у них все люди!

Не сказать чтобы жизнь прямо кипела здесь, но наличие пары рядов с прилавками и спящих вокруг них местных жителей не могло не радовать. Веронике хотелось запечатлеть эти мгновения. Она поставила тяжёлую ношу на

припорошённую снегом брусчатку и выбрала несколько ракурсов площади, сделав в каждом по кадру.

Рынок, однако, не вызвал чувства сказочности из детских картинок у Эмили Нортон. Кое-где она заметила грязь, не успевшую скрыться под февральским снегом, и подумала о родной Англии – попыталась вспомнить, выкинула ли перед отъездом мешки с мусором или те так и оставались позорно стоять у парадной двери.

Да уж теперь ничего не исправишь. И Эмили, чтобы отвлечься, спросила:

– Вы уже поднимались к Граду?

Вероника, не отвлекаясь, ответила отрицательно.

– А не хотели бы сходить туда?

– Не уверена, что сегодня на мне обувь, подходящая для восхождения.

Эмили с пониманием кивнула.

– В конторе Кука нам сообщили, что в замке сейчас проживают бедные семьи. Уникальное место, должно быть, правда?

На последнем слове в неё нацелилась камера Вероники, заслонки щёлкнули, поймав мягкое растерянное выражение лица девушки. Эмили поспешила опустить взгляд на наручные часы. Господи, ну и гримаса же выйдет на снимке!

– Знаете, – сказала она, – мы договаривались встретиться с Тamarой и Джоном на холме через час. Если только они вовремя вернуться с экскурсии по пещерам...

– Я непременно должна там побывать, посмотреть на виды города, – заявила вдруг Вероника. – Завтра я отправляюсь в Птуй, так что другой возможности у меня не будет.

– Как жаль! Впрочем, сегодня вечером мы уезжаем в Блед, а потом в отель «Мамонт» кататься на лыжах. Подумать только, я буду кататься на настоящих

лыжах! Ах как жаль, – повторила Эмили, – да, очень жаль, что мы только сегодня встретились.

Вероника ответила улыбкой и добавила:

– Но прежде, чем покорять снежный Град, зайдём кое-куда. Я заметила, что вы прихрамываете.

Быстро отыскалось и подходящее место, где две женщины смогли отвести душу и вдоволь покапризничать, примеряя все имевшиеся модели обуви. Эмили давно так не веселилась. Видела бы Тамара, какое фатальное отчаяние постепенно рисовалось на изначально чёрством лице продавщицы! После нескольких смущённых протестов Эмили всё же дала согласие на покупку для неё пары современных и удобных ботинок. Затем последовал горячий чай с выпечкой в кафе на Старой площади.

– Вы – мой ангел, – промолвила Эмили.

Неудобную ношу в виде часов хозяин кондитерской любезно разрешил оставить ему на хранение. Более того, отказался брать деньги за еду.

– Потом, – решительно настоял он.

Что бы это ни значило, обе девушки были рады избавиться от поднадоевших часов.

Теперь, согревшись и подкрепив силы, они отправились вверх по тропке, петлявшей по склону холма, на котором стоял замок. Ступать приходилось крайне осторожно, на протоптанной дорожке местами встречались обледенелые ступеньки, и сверху под чьими-то ногами то и дело срывались комья снега.

Минут через двадцать, включающие остановки для восстановления дыхания и попутные любования видами, две молодые туристки оказались на верхнем пяточке перед входом в Град. Поодаль у стены средневековой крепости стояли и о чём-то болтали мужчина и совсем юная девушка. Эмили помахала им рукой, но ответной реакции не последовало.

– Должно быть, не видят, – прошептала она.

Вероника глядела в противоположную сторону и с упоением любовалась открывшейся панорамой города.

Кружил снег. В здешнее умиротворение проскальзывали грубые звуки рынка, они долетали сюда с тихой нежностью. Вдалеке покоился хребет Юлианских Альп.

– А вот и Тамара!

Вероника в тот момент щёлкала камерой виды. Когда она повернулась, где-то вдалеке зазвучал церковный колокол, и его раскатистое эхо – какое-то печальное, монотонное – вдруг заполонило собой всё вокруг. И тишина стала тревожной, обречённой.

Именно так Вероника Бёрч описала бы в романе свою первую встречу с Тамарой Робинсон. Ощущение или даже предчувствие надвигающейся стихии – вот что схватило Веронику за горло. Её писательский организм привык по-своему реагировать на уникальную личность поблизости. Возможно, считала она, людям не творческим этого не дано понять.

Но всё-таки... Да, она не ошиблась. Ещё час назад чутьё подсказывало, что с Тамарой – с той, что явилась внизу на мосту Драконов, когда Тамара была лишь именем, произнесённым её сестрой, – следовало познакомиться.

Вероника знала, что жертва – всегда ключ к личности её убийцы. А познакомиться с жертвой в реальности Веронике ещё никогда не доводилось. Сколько же вариантов прикинул её пыливый мозг, пока она фотографировала рынок, пока выбирала обувь для спутницы, пока пила чай, пока взбиралась на холм...

Ничего общего с теми образами не представляла собой женщина, которая сейчас двигалась по направлению к ним.

У неё были светлые волосы и правильные аристократические черты лица – лица страстного, подвижного, живого. В тот момент оно дышало радостным

нетерпением. Миссис Робинсон была женщиной не первой молодости – выглядела она лет на сорок. На красивые сорок. На ней было светлое монтгомери[10 - Классическое пальто с капюшоном, дафлкот. В Великобритании дафлкот также называют термином monty coat – по прозвищу британского фельдмаршала Бернарда Монтгомери, часто носившего такое пальто.] и того же оттенка сапоги на маленьком каблуке – всё скорее практичное, нежели эффектное. Но на Тамаре эти вещи смотрелись прежде всего эффектно.

Да, несомненно, к ним плыла светловолосая королева Тамара. Её большие зелёные глаза сразу увидели обувь Эмили.

– Какие красивые! Очень модные! Может, и мне туда заглянуть?

Голос у неё был низким и мягким, с чисто девонширским протяжным произношением.

Эмили представила сестре Веронику Бёрч.

Миссис Робинсон протянула руку и улыбнулась.

– Какая честь для нас, мисс Бёрч. У вас необыкновенный цвет волос. Это так благородно с вашей стороны взять под крыло мою непутёвую сестру. Мы вам очень обязаны.

Вероника – всего на мгновение – вдруг ощутила себя блёклой и некрасивой. Что, разумеется, было неправдой.

Вслух Вероника сказала:

– Ваша сестра говорила о вас с такой любовью, она очень предана вам. Сейчас нечасто встретишь такие семейные привязанности.

Что-то в её словах взволновало Тамару.

Она развернулась и крикнула:

– Джон! Мэри! Идите сюда! Ах, не слышат! Эмили, приведи их! Что они там стоят?

Когда младшая сестра ушла с поручением, Тамара горячо заговорила:

– Мой муж не любит Эмили. Считает её глупой, необразованной. Ему всякий раз стыдно за неё. Она, конечно, дальше своей деревни не бывала нигде, но у неё доброе сердце.

Вероника мягко сказала:

– Она у вас замечательная.

– Ну а сегодня за завтраком был финальный аккорд: Эмили сказала какую-то глупость, совсем безобидную, а Джон распсиховался. Нам пришлось разделить на некоторое время. Мальчишки должны были охранять Эмили в городе – она запросто могла потеряться, но, видно, они всё-таки её бросили и пропали куда-то по своим делам. А мы с Джоном и Мэри отправились в эти пещеры...

Миссис Робинсон осеклась и посмотрела через плечо. Затем с лёгкой грустью сказала:

– Лучше бы я осталась с Эмили и нормально, без нервов, провела время.

Вероника спросила:

– Вам не понравились пещеры?

– Ну, сами пещеры тут ни при чём. Всё дело в гиде. Я долго не могла избавиться от мысли, что он неправильно рассчитал стоимость экскурсии на двоих взрослых с ребёнком. Он не сделал скидку, которую предусматривал их рекламный проспект. Где-то в середине этих пещер я решила сказать об этом гиду. Он начал возражать, спорить, а Джон вместо того, чтобы поддержать мои справедливые требования, начал кричать на меня.

– Интересно, за что?

– Ему, видите ли, стало стыдно за меня, что я такая мелочная, что я затеяла скандал на ровном месте. А человек старается, водит нас, рассказывает всякие интересные факты, о которых я, глупая, по его словам, женщина, ничего не знаю.

Вероника сочувственно покачала головой.

– А я просто не хочу, чтобы меня дурили, – с жаром добавила миссис Робинсон. – Они видят: «Ага, богатенькие приехали, ну сейчас мы их разденем, как полагается». А я не хочу, чтобы из меня качали деньги.

– Это неслыханно, – вставила мисс Бёрч.

– Во-от! А Джону, видите ли, стыдно за меня. Нет, чтоб хоть раз заступиться – нужно кричать на меня. Я всё говорю не так, я всем всегда мешаю. Почему из меня постоянно делают какого-то монстра!

Тамара Робинсон вздохнула и перевела взгляд на горы вдалеке.

– Какая красота, правда? Удивительные места, – сказала она, словно перед этим не произнесла своей гневной речи. – А вы одна?

Вероника ответила, что одна.

– Какие у вас планы? Куда вы направляетесь?

– Я еду в Блед, – улыбнулась мисс Бёрч.

– Ой, слава богу! Мы тоже. Хоть будет с кем нормально пообщаться. Говорят, на свете нет другого такого прекрасного места.

Вероника кивнула:

– Я как раз на это рассчитываю. В смысле, пообщаться.

Она разобралась быстро: Тамара была в лёгкой форме интриганка. Очень доброй, очень светлой, совершенно безобидной... Но могла ли она в самом деле быть потенциальной жертвой?

В любом случае, здесь был материал для работы, и Вероника намеревалась выжать его по максимуму. К тому же названия Птуй и Блед звучали для неё так странно и многообещающе...

Эмили привела Джона и Мэри.

Джон Робинсон был высоким мужчиной с орлиным носом и редящими тёмными волосами, в которых пробивалась седина.

Он дружелюбно поинтересовался делами мисс Бёрч. Голос у него был мягкий, с хрипотцой, манера речи располагала к общению. В нём было некоторое обаяние. Однако представить его в гневе труда не составляло. Во всяком случае Вероника с ходу почувствовала, что во всей семье словно оголены провода и в любой момент может произойти короткое замыкание где угодно из-за пустячной мелочи.

Мэри была худой и довольно высокой девушкой. Она поздоровалась сквозь зубы, затем встала в стороне ото всех. Костистые плечи её сутулились, длинные руки сцепились на груди. По всем признакам Мэри пребывала не в духе. У неё была интересная внешность, непохожая ни на одного из родителей. Длинные песочного оттенка волосы, миндалевидный разрез голубых глаз. Ещё немного, и она расцветёт даже вопреки своей колючести.

Миссис Робинсон вдруг сказала:

– Так, у нас сейчас какие планы?

Те, кто знал Тамару Робинсон, понимал: вопрос не был нацелен на кого-то в частности, скорее это был вступительный оборот перед объявлением общих действий.

– Эмили, ты не против вернуться в гостиницу? У меня боли в пояснице и ноги отекли.

– Конечно, я сама хотела предложить...

Тамара обратилась к Веронике:

– Эмили делает волшебный массаж. Вы должны его испытать на себе. Да, Эмили, мисс Бёрч едет с нами в Блед. Ты ведь сделаешь массаж мисс Бёрч?

– Разумеется, с огромной радостью...

Миссис Робинсон кивнула, но всё равно была чем-то озадачена.

– Так, а где же мальчишки?

Джон Робинсон – он только что закурил – резко сказал:

– Оставь их в покое. Пусть немного развеются.

– Да пожалуйста, пожалуйста...

Тамара кинула заговорщический взгляд на Веронику.

– Вот, опять во всём виновата я, – негромко сказала она ей.

По пути обратно с холма миссис Робинсон жаловалась на ревматизм, её дважды охватывало головокружение, и приходилось делать остановки.

Оказавшись в своём гостиничном номере, Вероника Бёрч достала маленькую записную книжку с веленовой бумагой в переплёте из чёрной кожи, какая наверняка нашлась бы у практикующей ведьмы, и сделала запись:

Тамара. Страдает лёгкой паранойей в сочетании с ипохондрией. Тамары много. Вначале она вас очаровывает, а спустя некоторое время она поселяется в вашем мозгу.

Часть II

Блед

Глава 1

В Блед было решено ехать вместе.

Вечером того же дня в уютном лобби Вероника Бёрч пила кофе. Её багаж был упакован, чемоданы стояли рядом. Лишь спустя полчаса после назначенного времени она наконец увидела через окно подъезжающие к парадному входу три комфортабельных автомобиля-седана. Вероника поспешила на улицу.

Джон Робинсон, энергично выскочив, разъяснил портье, что чемоданы следует класть в последнюю машину.

– Там только багаж и надутая Мэри. Мы с парнями в авангарде. Леди решили ехать отдельно.

Заднее окошко второго седана открылось, и миссис Робинсон крикнула:

– Мисс Бёрч, садитесь к нам на переднее сиденье!

Джон Робинсон посадил Веронику, затем раздал чаевые двум швейцарам.

С задних сидений, где расположились Тамара и Эмили, послышалось недовольное цоканье. Затем миссис Робинсон извинилась за опоздание и объяснила, что причиной их задержки стала лёгкая стычка между Джоном и Мэри.

– Но вы на неё не сердитесь, если что, – попросила Тамара.

Вероника удивилась:

– Мне? Сердиться на Мэри?

– Ну да, разумеется, ведь у неё такой противный возраст. А вы такая яркая девушка.

Возможно, думала Вероника, ей следовало сесть в другую машину, чтобы избежать подобного разговора. Впрочем, она сама напросилась во всё это.

Не меньше удивилась Эмили:

– Ты считаешь, Мэри ревнует? Она же отлично знает, что она и только она – главная любимица Джона.

Миссис Робинсон снисходительно кивала.

– Ну да, ну да. И этой любимице уже пятнадцать.

Тут она ловко переключилась на свои новые духи с ароматом вербены, купленные днём в городе.

– Приятные, правда? Сказали, что какой-то местный производитель, здесь это очень модный запах...

Однако Вероника уже не слушала.

Мэри и Джон. Могло ли это означать то, о чём она только что подумала? Нет, разумеется, не могло, решила Вероника.

Мэри и Джон? В её романе – возможно, но не в реальной жизни. Ох уж этот писательский цинизм... И тут она вновь вспомнила о пропавшем веронале.

Чушь какая-то.

Или не чушь?

Нужно успокоиться и привести мысли в порядок. Ведь очевидно, что всё очень просто.

Эмили Нортон слишком наивна, чтобы опираться на её суждения. Она, безусловно, не видит того, что видят другие, – что Тамара – какая дичайшая мысль для Эмили! – может раздражать. Да, Тамара заботлива и участлива, но слишком заботлива, слишком участлива. Вероника и не сомневалась (она уже полдня об этом раздумывала): регулярные срывы Джона, нежелание детей быть с матерью – всё оттого, что Тамары слишком много. Она в их распорядке дня, она в их мнениях, в мелочах, она у них под кожей и в нервах...

«Дорогая, давай без громких слов. Посмотри лучше, как уютен и мягок этот уголок планеты, а как в нём комфортно должно быть летом...»

Но всё это ерунда. Человека не убивают только из-за того, что он кого-то раздражает.

Да. Эмили Нортон видит всё в ином ракурсе. Стоит ей объяснить? Нет, Вероника тогда станет врагом для неё. Вероника будет наблюдать. Да, самая выигрышная позиция. Только улыбаться и поддакивать. Иногда вставлять своё скромное мнение, которое, конечно же, будет совпадать с мнениями старшей и младшей сестёр. Иногда удаляться с глаз долой. В общем, так, чтобы не раздражать.

Вскоре огни города остались позади, впереди было ещё больше часа езды в кромешной тьме, пронзаемой светом фар.

Голос миссис Робинсон с заднего сиденья звучал всё реже, уступая пространство рёву мотора, и постепенно Вероника Бёрч, как и подобает бывалой писательнице, задумалась над тем, что ещё могло происходить в этой семье, помимо очевидного.

И только одна вещь тогда показалась ей достойной внимания. А может быть, это для неё, американки, мать-наседка – доброе, безвредное существо? А в книге так вообще – незлой, даже комический образ. А, может, для холодных британцев тут серьёзный повод для убийства? И Эмили Нортон – истинная британка – это чувствовала?

Чем больше Вероника рассуждала, тем смехотворнее казались ей собственные мысли.

Интересно, что сейчас поделявает её головорез, тот преследователь?..

Было что-то неестественное в отношениях Джона с дочерью. Там, наверху, у стен Града. Или её писательское воображение снова что-то додумало?

Она обнаружила, что задремала, когда выяснилось, что они уже приехали. Стояла беспроглядная ночь, и горел только свет над входом в гостиницу. Началась возня с чемоданами, заселением...

С какой стороны было озеро и где были горы?..

Завтра, всё завтра...

Вероника Бёрч, подойдя утром к окну, чуть не вскрикнула! Перед ней лежало озеро, покрытое ослепительно-белым льдом, окружённое лесистыми холмами и горами. Вдалеке на отвесной скале виднелся средневековый замок. В глубине озера расположился остров, а на нём – церковь, её башня с колоколом торчала причудливо и гордо из заснеженных крон деревьев.

Вероника ахнула, не веря своим глазам. Это было граничащее с нереальностью зрелище, сказочное, романтическое и совсем неожиданное. Все мысли о вчерашнем исчезли вместе с усталостью. Часы показывали начало одиннадцатого. Как чудесно начинался новый день!

Отель «Сорока» представлял собой виллу во французском стиле. Он стоял прямо у дороги, за которой начиналось озеро, одна его сторона почти упиралась в подножие холма. Веронике несказанно повезло занять последний свободный номер.

Помимо неё и Робинсонов, в отеле гостили только Палмеры – семейная пара, отдохавшая в Блэде уже неделю и намеревавшаяся погостить там ещё столько же.

Сейчас они доедали свой поздний завтрак в столовой на первом этаже.

Ричард Палмер, высокий мужчина не то за сорок, не то под пятьдесят, курил трубку и читал свежую газету. Свежей считалась газета трёхдневной давности – столько требовалось экспресс-почте, чтобы доставить Палмеру его корреспонденцию из Америки.

– Ну это никуда не годится, – пробурчал он, читая о новом количестве убитых и раненых в корейской войне.

– Вот и я о том же! – поддержала его миссис Палмер, миловидная женщина лет сорока пяти, полагая, что муж, конечно же, слушал её всё то время, пока она мазала последний тост маслом и рассуждала о качестве постельного белья в их номере. – Нет, конечно, в агентстве я и не собиралась рассказывать о своих предпочтениях в области белья – только представь, как странно бы это звучало там! – и всё-таки, говоря о качестве предоставляемых услуг – а ведь качество – такое ёмкое слово, – так вот, в понятие качества должна входить и такая вещь, как мягкое – не грубое, не жёсткое, а мягкое постельное бельё. Разумеется, я не говорю, что нужен непременно шёлк – в конце концов, мы же не царственные особы или – упаси боже! – нувориши какие-то, мы – обычные люди. Самые простые.

– Бедные люди! – покачал головой мистер Палмер.

Он только закончил читать об ужасающих подробностях быта американских солдат в Корее.

Софи Палмер укоризненно взглянула на него:

– Ну ты тоже не слишком драматизируй, Дик. Мы нормально зарабатываем, и нам хватает на путешествия, на дом с садом и на твою экспресс-почту.

– И на твои туалеты, дорогая, – улыбнулся мистер Палмер, перелистывая газету.

Миссис Палмер сказала, строго сжав губы:

– Хорошо, что тебя не слышит миссис Фрейзер, уж она бы наверняка не стерпела такого едкого замечания от мужа, Дик. Подумай об этом. Подумай, что мне приходится порой терпеть.

– Бедняжка, – сочувственно произнёс Ричард Палмер, проглядывая статью о женщине, у которой после урагана не осталось крова.

– Теперь ты меня жалеешь. Мне приятно, что ты становишься чувствительным, Дик. После стольких лет брака мы наконец-то начинаем дышать одним воздухом. Кстати говоря, эти жареные колбаски из рубленого мяса просто объедение, я настаиваю, чтобы ты их всё-таки попробовал.

Она протянула вилку с наколотой колбаской. Мистер Палмер, прожевав, сказал:

– Недурно.

Он как раз изучал результаты матча по бейсболу, где играла его любимая команда.

Миссис Палмер посмотрела в окно.

– Просто удивительно, что Молли Пирсон не знала об этом месте. Ведь мы только и слышим: мистер и миссис Пирсон открыли такой дивный уголок в Греции; мистер и миссис Пирсон обнаружили такой уютный, а главное – небольшой отель на Сицилии. Что ж, похоже, настал черёд Палмеров открывать волшебные места нашим друзьям. Правда, дорогой?

– Оу... – вырвалось у её мужа при взгляде на колонку о валютной бирже.

– Ну поглядим, что они предложат в ответ. Наверняка, какое-нибудь очередное прилизанное место паломников с яхтами и прочими атрибутами фальшивой счастливой жизни.

– Отлично, – кивнул мистер Палмер, перелистывая.

Софи Палмер была довольна собственными выводами и полным согласием мужа.

За столом в другом углу сидели сыновья Робинсонов, Коннор и Леонард. Особого разговора у них, как и всегда, не выходило, они молча приканчивали свои глазуньи, и оба мечтали, чтобы миссис Палмер застрелилась или хотя бы ненадолго замолчала.

Когда вошла Вероника Бёрч, Коннор испуганно глянул в её сторону.

Леонард негромко спросил:

– Что-то случилось?

Коннор сделал удивлённый вид.

– О чём ты?

– Ну ты так дёрнулся.

– Да нет, всё в полном...

Он не договорил, к ним уже направлялась Вероника.

Она улыбалась.

– Доброе утро! Вот так неожиданность! И вы здесь?

Коннор встал и неуверенно обронил:

– Здравствуйте.

– Как ваш зуб?

– Зуб?..

– Вероятно, вы забыли. Мы с вами встречались в аптеке в Любляне.

Коннор Робинсон резко нахмурился.

Мисс Бёрч напомнила:

– За мной гнался бандит, а вам не продавали лекарства по рецепту, потому что в нём была чужеземная фамилия доктора.

Леонард знал, что Коннор совсем не умел врать. Оттого было забавнее наблюдать за старшим братом, загнанным в угол.

С лица Коннора сошло недоумение. Он, чуть щурясь, протянул:

– А-а... так это были вы? Точно, теперь припоминаю...

Вероника, продолжая улыбаться, спросила:

– Значит, боль уже прошла?

Коннор кивнул:

– Уже прошла, спасибо.

Леонард тоже встал.

– Это ведь мы вас вчера забирали из отеля? – спросил он.

Вероника наконец пробудилась, сообразив, что к чему.

– А! Так вы, значит, Коннор и Леонард? Ну конечно. Миссис Робинсон говорила о вас. Вчера была такая тьма, вот я вас и не разглядела. Хотя я должна была раньше догадаться, что в аптеке говорила с одним из Робинсонов. Туристов-то сейчас немного.

Леонард сказал:

– Отец говорил, вы вроде пишете?

– Вроде того.

– О чём?

Вероника сделала неопределённый жест:

– Разный вздор. Интриги, насилие, убийства...

– Убийства? – повторил Леонард. – Как интересно!

Коннор покосился на него.

– Вы под своим или вымышленным именем публикуетесь?

– Под именем Вероники Бёрч – моим собственным.

Позади неё раздался скрип резко отодвинутого стула.

Это со своего места подскочила миссис Палмер.

– Только подумать! – летела она на всех парах. – Дик, ты слышал? Я в одном отеле со знаменитой Вероникой Бёрч! Дик, слышал? Это сама Вероника Бёрч! О, как я рада вас встретить! О, но вы так молоды! Я представляла вас... ну... где-то моего возраста. Хотя многие говорят, что я выгляжу моложе своих лет. Ну это и понятно, ведь я веду здоровый образ жизни. Правда, Дик? Как вам погода? Ну надо же, сама Вероника Бёрч! Подумать только. Бетти Стокс будет кусать локти, когда узнает, с кем я отдыхала. У меня, кстати, есть все ваши книги. Дик! Скажи, что у меня есть все книги мисс Бёрч!

– У миссис Палмер есть все ваши книги, мисс Бёрч, – отозвался Ричард Палмер, читая комментарии врачей о новой вакцине.

– Вот что я говорила! Вы, конечно, не откажетесь позавтракать с нами?

Вероника выглядела застигнутой врасплох. На самом деле она подбирала фразу пожеливее, намереваясь отклонить столь сомнительное предложение.

Вмешался Леонард Робинсон:

– Извините, но сегодня мисс Бёрч завтракает с нами.

Миссис Палмер потухла и вновь вспыхнула:

– Ну тогда за ужином?

– Это очень мило с вашей стороны, – ответила ей Вероника.

Когда миссис Палмер ретировалась и, как после бури, наступило спокойствие, Вероника наконец присела, а Коннор Робинсон заявил:

– Хочу написать пару писем перед прогулкой. Хорошего вам аппетита!

Он исчез.

Официант принял у Вероники заказ, после чего она поблагодарила молодого Робинсона за спасение. Тот лишь заметил, что от бесконечного потока слов, извергаемых миссис Палмер, хочется расшибить себе голову.

Вероника ненавязчиво разглядывала семнадцатилетнего Леонарда. Это был интересный юноша породы своего отца. Волевое мужественное лицо, римский нос, пронизательный взгляд зелёных, как у матери, глаз и густая тёмная шевелюра. Вероника обратила внимание на его руки – длинные и по-мужски изящные. Когда Леонард вновь на неё посмотрел, она ощутила исходящую от него энергию.

Мисс Бёрч спросила:

– Как вам поездка?

Леонард пожал широкими плечами:

– Воздух чистый, снег белый. Много иностранцев.

– О, и вы заметили? – сыронизировала Вероника.

Леонард ухмыльнулся.

– Вы из какой части Англии?

– Из Девона. А вы из какой части Америки?

– Из Коннектикута. Но Европа мне больше по душе. Подумываю когда-нибудь сюда перебраться.

– Вот как? – бросил Леонард. – Вам по душе войны между кучей стран на клочке земли, а не мирный целый континент?

Принесли чай с тостами и джемом.

Американка сказала:

– От мира мало проку, если ты ищешь вдохновения.

– Вам доставляет удовольствие писать о насилии?

Веронике нередко задавали этот вопрос; исходя из настроения, она каждый раз сочиняла новый ответ. Однако из уст Леонарда Робинсона этот вопрос звучал как минимум необычно. Голос у Леонарда был низким, обволакивающим, интонации – вкрадчивыми, как у психолога или маньяка, каким его представляла Вероника. Похоже, мальчишка решил попробовать на ней свои чары. Ей хотелось поставить его на место.

Но в итоге мисс Бёрч ответила банальностью:

– Возможно, это то, чего не хватает мне в реальной жизни.

Глаза Леонарда заблестели.

Он загадочно произнёс:

– Вы хотите стать жертвой или хотите понаблюдать, как кто-то мучается рядом?

– Я допускаю оба варианта, – с улыбкой констатировала мисс Бёрч.

– Понимаю. Вам опостылела ваша работа, – сказал Леонард и посмотрел в окно.

В свои семнадцать он был на редкость проницателен. Интересно, что он думал о переживаниях Эмили Нортон?

Вероника оглянулась по сторонам – в столовой уже никого не было – и спросила прямо:

– А что происходит в вашей жизни? Вам никогда не хотелось кого-то убить?

Леонард повернулся к ней. Веронику чуть не снесло энергетической волной.

– Да, – сказал он решительно, хрустнув пальцами, – я хочу убить свою мать.

Глава 2

Леонард Робинсон запустил пятерню в волосы, откинув их со лба. Веронике открылись его резкие смоляные брови, и яркий свет из окна превратил выразительные зелёные глаза в аквамариновые.

– Вероятно, вы ждёте от меня чего-то вроде исповеди? – спросил молодой человек.

– Не буду скрывать, что мне это интересно, – сказала мисс Бёрч.

– Вы ведь только за этим сюда явились, верно?

– И это не стану скрывать.

Леонард кивнул и задумался.

– Да, нашу маму вы, несомненно, успели прочувствовать. Скажите, какой она вам показалась?

– Несомненно, доброй, – ответила Вероника.

– Но вы же как безнадежно циничный писатель знаете или догадываетесь, что доброта может быть хуже зла?

– Я понимаю, о чём вы. И как прожжённый писатель заявляю, что зла в вашей матери нет ни грамма.

Леонард – крайне неожиданно – прыснул от смеха.

– Вы либо ничего не знаете, либо намеренно провоцируете меня, – махнул он рукой. – Я склоняюсь ко второму варианту. В противном случае, вы бы не поехали за нами, если бы считали маму безобидной.

Разоблачение позабавило Веронику.

Она осторожно сказала:

– Может быть, вы поделитесь со мной вашим видением?

– Возможно.

Юноша откинулся на спинку стула и сцепил руки за головой.

«Рисуется мальчик», – подумалось Веронике.

– С чего бы начать? Начну с самой сути, чтобы вам сразу стало понятно. Моя мама до сих пор гордо рассказывает своим подругам (а также почти незнакомым людям), что кормила меня грудью до двух лет и что по этой причине у меня нет проблем с зубами. Также популярен рассказ о том, как в пять лет меня водили на обрезание, потому что на то были веские причины. Куда бы мы ни зашли – в магазин, ресторан, к портному, мама обязательно расскажет, где мы были этой осенью или прошлым летом, где мы жили, что ели, с кем общались. Если в доме у кого-то болезнь или операция, об этом узнают все. От мамы. Во всех подробностях.

Вероника сочувственно покивала.

– Вам кажется, что в этом и нет ничего такого. Нет, в этом есть кое-что – моя жизнь. Я не хочу, чтобы незнакомые и даже знакомые люди знали, где я был, что я ел, до какого возраста пил молоко матери, какой недуг у меня был вчера или год назад и какие новые брюки висят в моём гардеробе, с любовью купленные мне мамой на прошлой неделе. Вам со стороны кажется – и что в этом такого? Я вам отвечу – мои нервы. Мои. Больные. Нервы. Я хочу, чтобы она перестала молоть языком, перестала хвастаться моими удачами, которые я хочу хранить для себя. Я хочу, чтобы она не трогала мою жизнь, не делилась ни с кем подробностями моих отношений со сверстниками, не заходила в мою комнату и не рылась в моих вещах, считая, что она не делает ничего такого! Она не хочет зла, да. Но она не понимает, что причиняет зло!

Мисс Бёрч молчала, боясь спугнуть откровение юноши, но Леонард Робинсон, что называется, завёлся.

– Не болтать, не лезть – казалось бы, что может быть проще? Вы даже не представляете себе, каково это – хотеть иметь личную жизнь, чтобы она была только вашей и ничьей больше, и не иметь такой возможности, потому что ваш самый близкий человек – ваша мама, – человек, которого вы так любите, так подло поступает с вами, не видя, искренне не понимая, что ранит вас! И вы ничего не можете с этим поделать! И вы либо терпите, либо вашей матери следует сгинуть с лица земли!

Вероника с сочувствием наблюдала за Леонардом, потерявшим контроль над эмоциями. На её глазах из сильного, уверенного в себе молодого человека он в одночасье превратился в болезненного нервного ребёнка.

Эффект поражал куда больше, чем могла себе представить мисс Бёрч.

Она дала ему время прийти в себя и просто разглядывала вместе с ним пейзаж в окне. Ледяную гладь озера пересекали на коньках дети и взрослые. Солнце отражалось от снега и льда, и всё вокруг казалось сделанным из хрустала.

Тишину нарушил вошедший Джон Робинсон.

– Привет-привет! Что вкусного подают?

Леонард встал и направился к выходу.

Мистер Робинсон крикнул ему вслед:

– С нами гулять пойдёшь?

Леонард буркнул что-то вроде: «Делать мне больше нечего».

Джон Робинсон сел на его место возле Вероники Бёрч и заказал себе завтрак. Вероника вновь отметила сходство отца и сына. Перед ней будто всё ещё сидел Леонард, только взбодрившийся и резко повзрослевший.

Мистер Робинсон завёл разговор об издательствах, расхваливая американские и ругая британские. Его агентство, рассказал он, совсем молодое, занимается связями с общественностью и существует благодаря плану Маршалла[11 - Программа помощи Европе после Второй мировой войны. Выдвинута в 1947 году государственным секретарём США Джорджем К. Маршаллом и вступила в действие в апреле 1948 года.].

– То есть благодаря вам, американцам, – мистер Робинсон с улыбкой посмотрел на девушку.

После омлета и чашки кофе мисс Бёрч для себя решила, что Джон был самый позитивный в семье Робинсон. Возможно, то же в нём видела Мэри, и это притягивало её к нему.

Вероника сказала:

– Удивительно, как похожи на вас ваши дети.

Джон Робинсон вытянул лицо.

– Разве?

– Чисто внешне.

– А, ну так возможно.

– Коннор – копия миссис Робинсон, а Леонард – ваша.

– Я никогда не замечал. Ну, они, в общем-то, славные. Только к жизни неприспособленные. Бесхарактерные.

– Я бы не сказала. Особенно насчёт Леонарда...

– Леонард раздражительный. Его всё бесит.

Вероника мягко сказала:

– Ведь со всеми нами такое бывает.

– Но не каждый день. Говорить с ним невозможно. Впрочем, может, с возрастом пройдёт.

– Может, и пройдёт. Но разве упрямство – не признак характера?

– Не в его случае, – убеждённо сказал Джон Робинсон. – Есть такое ремесло, называется оно «портить себе жизнь». Если Леонард и преуспел в чём, то только в этом. У Коннора другая проблема. Коннор очень добрый, но он и наивный. У него чистая душа. Редкий человек. Скромный. Ни разу ни на кого не повысил голоса. Ему будет тяжело в жизни.

«Ему уже нелегко», – подумала мисс Бёрч.

– А вот Мэри, кажется, не похожа ни на кого.

– Верно, – сказал мистер Робинсон. – Мэри – приёмный ребёнок.

Он проглотил кусок жареной колбаски и запил чаем с молоком.

Вероника наблюдала за ним.

Минуту или две спустя Джон Робинсон добавил:

– Я Тамаре сразу сказал: мне нужна девочка. Потому что к мальчику я буду ревновать. Я себя хорошо знаю.

Он уткнул взгляд в тарелку.

Вероника ждала продолжения.

– Родился Коннор. Потом Леонард. Эгоистично или нет, но я хотел девочку. Вы как представитель самой свободной нации должны меня понять. Хотите чего-то от жизни – естественно.

Представитель самой свободной нации кивнула.

– А лет через пять, когда наши финансовые дела пошли в гору, мы смогли удочерить Мэри. Хотите ещё кофе? Я бы выпил.

Джон бодро подозвал официанта.

И всё-таки было что-то неуловимо тяжёлое в его взгляде. Что-то мрачное, пропитавшее его мысли и словно мешавшее ему получить то, чего он хотел от жизни.

После завтрака Вероника поднялась в номер за фотоаппаратом, а мистер Робинсон остался курить на террасе. Вместе они вышли к озеру и взяли коньки напрокат. Так было проще и интереснее добираться до острова. Тамара с Мэри и Эмили отправились туда ранее.

Весёлое приключение сопровождалось падениями, смехом и снятием на камеру видов, от которых захватывало дух. Вокруг катались люди всех возрастов. В какой-то момент колокол на острове ожил и принялся разносить свою песнь. Вероника замерла, чтобы сфотографировать церковную башню, возвышавшуюся над обледенелыми ветвями деревьев, но вдруг кто-то сбил её с ног. Она упала на бок, чудом не выпустив из рук камеру.

В спину ей было брошено:

– Извините.

Кажется, в голосе даже не пытались скрыть удовольствия от содеянного.

Подкатился мистер Робинсон и протянул мисс Бёрч руки.

– Мэри, тебе мало места на озере? – возмущённо бросил он.

Мэри, стоявшая у Вероники за спиной, выпалила:

– Я сюда первая, вообще-то, пришла.

И унеслась прочь.

Колокол замолчал. Джон помог Веронике встать.

– Не понимаю, что на неё нашло.

– Вы, должно быть, забыли, что такое юность, – покачала головой Вероника.

– С юмором у вас в порядке. Как всё остальное?

Мисс Бёрч потёрла лодыжку.

– Кажется, растяжение.

Она взглянула на каменные ступени длинной широкой лестницы, с которой буквально начинался остров.

– Боюсь, мне этого не осилить.

– Тогда остаётся только такой вариант.

Мистер Робинсон переобулся и взял Веронику на руки. Молодая женщина взвизгнула.

– Мы упадём! Здесь же скользко! – возмущалась она с проступавшей наигранностью.

Джон смеялся вместе с ней. Он нёс её вверх на небольшую площадку, где ютилась церковь Успения Девы Марии.

– Мистер Робинсон! Прекратите! Я насчитала уже пятьдесят ступеней!

– А по ощущениям, больше сотни!

– Хотите сказать, что я тяжёлая?

– Нет, но ваши коньки...

Пожилой мужчина, стоявший посреди лестницы, драматично воздел руки.

– Nevesta mora biti tiho![12 - Невеста должна молчать! (словен.)]

– Что он говорит? – спросил мистер Робинсон.

– Какой ужас! Он решил, что я ваша невеста! Опустите меня скорее!

– Спросите у него почему?

– Опустите меня, Джон!

– Сначала спросите.

Веронике пришлось уступить.

Старец объяснил, что по этим ступеням женихи поднимают на руках невест и что брак будет счастливым, только если невеста будет молчать весь подъём.

Американка перевела дух и с облегчением добавила:

- У нас и не могло ничего выйти. Я наболтала себе несчастий на годы вперед!

- Там, с другой стороны острова, - поделился ещё один турист на пути, - другая лестница, с неё спускают бывших жён в угоду новым!

Наверху вдоль продолговатой площадки стояли скамейки. Мистер Робинсон усадил Веронику на одну из них и поглядел на лавку мороженщика.

- Принесу вам лёд.

Он удалился, а к мисс Бёрч подлетела Эмили Нортон.

- Я видела, как Джон вас принёс! С вами что-то случилось?

- Небольшое растяжение, не стоит волноваться.

- Вы упали?

- Да. Сама не пойму, о чём думала, беря коньки. У меня ведь беда с равновесием.

Прибежал Джон Робинсон с пакетом льда и двумя рожками мороженого, один рожок достался Веронике, второй остался у Джона.

- Спасибо, мистер Робинсон.

- Просто Джон. Вам нужно какое-то время посидеть.

- Не волнуйтесь. Со мной всё в порядке.

- Я побуду с вами, - сказала Эмили, усаживаясь рядом. - Только взгляните, какой вид! Волшебство!

Их внимание приковали снежные дали.

- А внутри церкви можно позвонить в колокол и загадать желание, - сообщила мисс Нортон. - Я уже загадала. Вы слышали, как я звонила?

- Слышали, - сказал мистер Робинсон, в его голосе проскочило раздражение.

- Только подумать: все эти горы, все люди вокруг слышали звон моего колокола! Это было, пожалуй, самое волнующее событие в моей жизни!

- Несомненно.

Минуту-две они молчали, пока в колокол не забили вновь.

Эмили просияла:

- Это Тамара! Джон, сходи к ней, она тебя всё утро ждала.

Мистер Робинсон молча доел рожок и с тоской во взгляде (так, во всяком случае, показалось Веронике) отправился в церковь.

В небольшом зале, побелённом известью, прямо в центре висел длинный трос. И в самом деле звонила Тамара Робинсон. При появлении мужа она расцвела.

- Джон! Это так необычно! Я загадала желание, и... Ты уже придумал, что будешь загадывать?

Мистер Робинсон посмотрел вверх.

- У меня не осталось желаний. У меня всё есть, - сказал он тихо.

- Тогда загадай, чтобы и впредь было всё как есть!

Прикинув что-то в уме, Джон Робинсон подошёл и несколько раз дёрнул за верёвку.

Тамара обняла его.

- Джон, какие же мы с тобой счастливые! Нам так повезло...

Глава 3

К моменту, когда мисс Нортон прервала свои восторженные рассуждения о жизни и отлучилась в уборную, Веронике Бёрч порядочно надоело изображать из себя больную. Она переобулась и оторвалась от скамьи, пока никто не видел, и двинулась вглубь острова. Миновав церковь (Вероника всегда предпочитала внутренним убранствам просторы улиц и площадей), сделав несколько кадров, она подошла к ступеням с противоположной стороны острова. Это была менее парадная лестница, но всё же прекрасная, как и все старинные каменные лестницы. Она вела вниз к земле, где у кромки озера росли деревья.

На одной из ступеней в одиночестве стояла Тамара.

Удивительно, но даже когда вы осведомлены о наличии у кого-то особой энергетики или эффектной внешности, вас всё равно сбивает с ног магия присутствия этого человека, как только он оказывается рядом.

Ощувив поначалу нечто подобное, Вероника заметила, что миссис Робинсон совсем недавно плакала.

– Доброе утро, мисс Бёрч.

– Добрый день, миссис Робинсон. С вами всё в порядке?

Тамара отстранённо произнесла, глядя куда-то в снег:

– Да, всё хорошо.

– Мистер Робинсон не нашёл вас?

– Он остался в церкви. Мы поссорились.

– О...

Миссис Робинсон повернулась к Веронике.

– Я всегда отвечаю, что у меня всё в порядке. Только так я могу сохранить реноме Джона. Я создаю видимость, что Джон успешен в семье и в делах.

Вероника спросила:

– А зачем вы это делаете?

– Не знаю. Дура, наверное.

– Думаю, вы просто сильно его любите.

Тамара кивнула:

– Потому что все двадцать лет была дурой.

Она громко вздохнула и через некоторое время сказала:

– У Джона алкогольная зависимость. Он пьёт. Потому так поздно встаёт, никогда не завтракает с семьёй. Для него мы все глупые, ограниченные, несовременные, неправильные. В Англии он общается исключительно с молодёжью – с прогрессивной, как он говорит, молодёжью, которая, по его мнению, значит в современном мире гораздо больше, чем кто-либо. Ходит на их вечеринки, думая, что нравится им, что они считают его своим. На самом деле он выглядит смехотворно, но не понимает этого. Он ведь, когда пьяный, – старик стариком.

Рука Тамары нервно зашарила в кармане и вытянула носовой платок.

– А все эти сопляки с ним только потому, что он за них платит. Он покупает им выпивку, оплачивает им поездки на отдых. И как только я касаюсь этой темы, он начинает звереть и орать на меня. «Они молодые, они должны развлекаться, но у них нет денег. Им не повезло в жизни так, как тебе. Ты скупая и мелочная!» Он платит моими деньгами и считает, что я – неблагодарная стерва.

Тамара всхлипнула и отвернулась. Помолчав, обращаясь к одному из деревьев, сказала:

– По-вашему, я неблагодарная стерва, мисс Бёрч?

Вероника с жаром ответила:

– Разумеется, я так не считаю!

– Джон не любит меня, мисс Бёрч. Не любит всю мою семью. Не любил моих родителей, когда они были живы. Не любит мою сестру. Она для него глупее, чем я, – я хотя бы грамотно пишу, говорит он. Понимаю, моя сестра не отличается умом, но она, по крайней мере, не строит из себя кого-то, кем не является.

– Мисс Нортон – вымирающий вид. Я не уверена, что когда-нибудь встречала таких бескорыстных людей.

– Понимаете, у Джона комплекс. Он не состоялся в молодости. Теперь пытается наверстать. Только непонятно что. Дома его любят, не за деньги, а за то, кем он в действительности является, – что он отец. А он – ноль внимания на детей. Вернётся домой пьяный и начинает орать, что я порчу ему всю жизнь. Каждый раз клянётся, что уйдёт от меня...

Протяжный вздох.

– Вы так молоды, мисс Бёрч, и уже знаменитая на весь мир писательница. Представьте, каково Джону: вы – личность, а он – мыльный пузырь, живущий за счёт жены. Вот он и ходит фертом, вот поэтому и носит вас на руках.

Вероника почувствовала, как загорелись её щёки.

Она спросила:

– Это вам мистер Робинсон сказал?

– Я сама всё видела.

– Дело в том... – Вероника ощутила себя провинившимся ребёнком, – в том, что я упала и подвернула ногу...

– Но сюда вы шли очень уверенно. Как я вижу, всё уже прошло?

Зелёные глаза Тамары Робинсон блеснули, как у кошки.

Американка поняла, что попала в какую-то западню. Она растерялась, чего совершенно от себя не ожидала.

В голосе миссис Робинсон вновь зазвучали тепло и ласка:

– Знаете, я рада, что вы подружились с моей сестрой. Ей так одиноко по жизни и даже в этой поездке. Я стараюсь, но быть на разрыв порой и мне нелегко. Вы же видите, что произошло между вами и Мэри, стоило мне пойти с Эмили в церковь?

В надежде окончательно уйти от темы с ногой, Вероника задала дерзкий вопрос:

– А вам не кажется, миссис Робинсон, что ваши дети уже довольно взрослые и в таком... отчаянном внимании не нуждаются?

– Да я знаю, знаю, – ответила Тамара. – Никому я там уже не нужна. И моя забота никому не нужна. Я всё себе придумала. Всю жизнь себе придумываю...

Она отвернулась. Когда разговор строился не по её плану, миссис Робинсон его завершала.

Мисс Бёрч сказала:

– Я, пожалуй, спущусь и снимаю виды, пока свет хороший...

Она оставила миссис Робинсон на лестнице, а сама преодолела несколько десятков обледенелых ступеней вниз.

Ей нужно было упорядочить мысли о том, что случилось в это утро. А случилось, что она стала жертвой интриги, сплетённой Тамарой Робинсон.

Поначалу Вероника не могла в это поверить и поэтому ещё раз проанализировала факты. Она начала с конца.

Да, растяжение она выдумала. Чтобы немного позлить Мэри. Она знала, что Мэри увидит, как её любимый Джон несёт Веронику на руках. Это она придумала в отместку пятнадцатилетней девице, толкнувшей её, задумавшей «выяснить отношения».

Теперь по поводу отношений. Какие отношения решила выяснить Мэри? Мэри решила, что Вероника претендует на внимание Джона? Допустим. Мэри, в конце концов, не глупа. Но почему Мэри так решила? По словам Тамары, Мэри и Джон ещё вчера поругались из-за Вероники...

Ну конечно!

Вероника сейчас хорошо себе представила, как Тамара – очень умело, при помощи пары фраз – вселила в Мэри убеждение, что эта рыжая американка положила глаз на Джона Робинсона (ну прямо Яго в женском обличье!). И вот Мэри обижена, она едет отдельно от всех. А этим утром она с силой сбивает эту самую американку с ног.

Разобрались.

Но откуда у Вероники эта уверенность в том, что между Джоном и Мэри отношения не отца и дочери, а какие-то ещё? Вероятно, ей, как циничному писателю, так показалось тогда, на холме у стены крепости... Нет! Это ей внушила сама Тамара Робинсон. В такси. Когда сказала: «...у неё такой противный возраст. А вы такая яркая девушка».

Господи, Тамара оплетала интригами всё своё окружение, включая собственных детей!

Было ли это причиной напряжённости в семье? Скорее всего, это накладывало свой отпечаток на отношения внутри семьи. Вероятно, Тамара развлекалась так от скуки. Дети выросли, муж живёт своей жизнью. Тамара – незлой по природе человек – придумывает ситуации и разыгрывает их. Она развлекается. И всех её поведение раздражает.

Но об этом ли говорила Эмили Нортон?..

Раздался крик...

Первым к лестнице подбежал Джон Робинсон. Он увидел свою жену, распластавшуюся в самом низу, и поспешил к ней.

Миссис Робинсон тяжело дышала.

– Тамара! Ты меня слышишь?

Она приоткрыла глаза. Над ней, опустившись на колени, склонился её муж.

– Что случилось? Ты поскользнулась?

Миссис Робинсон схватилась за голову.

– Кажется... меня толкнули...

На лице Джона отразился испуг. Он поглядел вверх и сказал:

– Там никого не было. Я никого не увидел по пути...

Из-за деревьев вынырнула Вероника Бёрч и быстрым шагом направилась к ним.

– О боже, что произошло?

Тамара Робинсон закрыла лицо руками.

Джон сказал:

– Мою жену кто-то толкнул, она упала с лестницы.

Вероника пришла в ужас.

– Это... точно? – спросила она. – Не могло это произойти... случайно?

Мистер Робинсон в смятении поглядел на неё.

С самого верха лестницы слышался голос Эмили Нортон:

– Силы небесные! Что случилось?

Она ласточкой ринулась вниз, поскользнулась и пересчитала боком около дюжины ступеней. Всё же спустившись, ничего себе не переломав, мисс Нортон села рядом с сестрой и положила руку ей под голову.

Миссис Робинсон открыла глаза и тихо произнесла:

– Эмили, а где Мэри?

Эмили посмотрела по сторонам.

– Вон она, – сказала мисс Бёрч, глядя за спину мисс Нортон.

Мэри стояла на льду далеко от них, на ней по-прежнему были коньки. Её глаза метались с одного лица на другое.

Джон Робинсон крикнул:

– Мэри! Иди сюда!

Мэри Робинсон улетела вдаль.

– Джон...

– Да, дорогая...

– Помоги мне.

Мистер Робинсон взял жену на руки. Её лицо прислонилось к его пальто.

Эмили Нортон собралась пойти за ними в отель, как вдруг её остановила рука мисс Бёрч.

– Сейчас, – сказала Вероника, – им лучше побыть наедине.

Эмили округлила глаза.

– Вы думаете, я сейчас не нужна Тамаре?

– Вы ей всегда нужны, дорогая. Но сейчас удобный случай им помириться, – Вероника улыбнулась.

– Вы правы, конечно... – покивала мисс Нортон.

Вдруг она произнесла жалобно:

– Лишь бы он не обидел её.

Вероника Бёрч взяла Эмили под руку и сказала:

– Я собираюсь отправиться в город на ленч. Вы не составите мне компанию?

– О... разумеется, с радостью. Я сама, честно говоря, здорово нагуляла аппетит.

– Вот и славно.

И они отправились через озеро по его ледяной глади, мимо Златорога, тихо наблюдавшего за ними со своего берега, мимо лесистых склонов; наконец, мимо замка, венчавшего скалистую гору, нависшую прямо над крохотным городом.

В ресторане «Белка» сразу после обсуждения завтрашней поездки в отель «Мамонт» Эмили Нортон не выдержала:

– Мисс Бёрч, я говорила вам... я рассказывала о том, что моей сестре грозит опасность, и вот, мисс Бёрч, свершилось...

- Дорогая...

- Вы не видите, что происходит, мисс Бёрч, а я вижу, я знала этих людей столько лет...

- Но, дорогая...

- А теперь вижу: оказывается, эти люди – бессовестны. Понимаете?

- Во всяком случае, что касается...

- Человек, не имеющий совести, не имеет сострадания...

- Мисс Нортон, умоляю...

- А что человеку без сострадания стоит толкнуть другого человека с лестницы?

- Мисс Нортон! Успокойтесь для начала. Выпейте воды.

Эмили жадно выпила целый стакан.

- А теперь представьте: вы замужем...

- Я?

- На секунду представьте, – велела Вероника. – Вы гуляете с мужем, ваш муж отлучился куда-то, и вдруг вы видите, как он несёт на руках другую женщину.

- Ах... как это?

- Продолжайте представлять!

- Так... представила.

- И вы знаете, что эта другая женщина симулирует боль в ноге.

- О!

- Вам не хочется ссориться с мужем, вы не хотите показывать, что ревнуете.

- Ну я...

- Не хотите!

- Ну хорошо, хорошо...

- Что вы станете делать?

Взгляд выпученных глаз мисс Нортон завис на оконных занавесках. В нём проступали тяжёлые муки мыслительного процесса. Вероника поняла, что вопросы о мужьях – самые сложные для патологических старых дев.

Вероника сама ответила:

- Вы спуститесь в самый низ лестницы, убедившись, что вас никто не видел, ляжете на землю и закричите.

- О... мисс Бёрч...

- Да, дорогая. Я думаю, всё было именно так. Задумайтесь, что было дальше?

- А что было дальше? – уставилась Эмили Нортон.

- Дальше мистер Робинсон со жгучим чувством вины берёт жену на руки и несёт её в отель.

Мисс Нортон выпила ещё стакан воды.

Затем призналась:

- Я вам так благодарна, мисс Бёрч. Какой же душой я вам кажусь. Я совсем не знаю жизни.

– Никогда не поздно узнать. Но задумайтесь ещё вот над чем: вы говорили, что у вас пропал веронал.

– Верно.

– Но зачем красть веронал, если можно просто столкнуть человека? Тем более что в горах Югославии таких возможностей бесконечное множество.

И правда, думала Эмили Нортон. Однако до чего же Тамара умна!

Вероника Бёрч бодро заявила:

– Давайте закажем десерт!

После ленча, да ещё такого вкусного пирога с ежевикой, Эмили Нортон почувствовала себя виноватой. Вдруг Тамаре может потребоваться массаж. Лучше она пойдёт в отель и побудет у себя в комнате. Рядом с комнатой сестры.

Вероника, уже в одиночестве прогуливаясь по городу, набрела на блошинный рынок, где помимо прочего продавались изделия из цветного стекла. Она купила себе шкатулку и изображение ангела, которое собиралась повесить дома над камином. А в другой лавке обнаружили те самые модные духи с нотой вербены, о которых говорила миссис Робинсон. Девушка взяла флакон себе и ещё один в подарок. На тесной улочке нашлась фотостудия. Мисс Бёрч отдала плёнку на проявку.

Неподалёку от озера американка присела в кафе на открытом воздухе и заказала кофе. Ей не терпелось записать мысли на бумагу, но вначале их требовалось хорошенько разложить по полочкам. Ведь если одно не будет вязаться с другим...

Вероника Бёрч, оторвавшись от записок и вернувшись в реальность, обнаружила, что по озеру в сторону замка рука об руку идут мистер Робинсон с Мэри. Вероятно, отец и дочь шли на экскурсию. Молодая женщина сделала глоток. Кофе был крепким, горьким. Мисс Бёрч добавила сахар, помешала, она старалась не выпускать гулявшую пару из виду.

Он тепло обнимал её за плечи. Они уже удалялись, почти скрылись из виду...

Может, Эмили Нортон и права. Может, это не она, а Вероника всё себе придумала? Может, не было никаких интриг? Может, Джон Робинсон в самом деле любит свою приёмную дочь, а она любит своего приёмного отца?

Мисс Бёрч неторопливо побрела в отель. Мысли кое-как складывались, какой-то сюжет начинал вырисовываться. Но был ли он только вымыслом или в нём была большая доля правды жизни?

По пути Вероника купила пару сэндвичей (она вспомнила, что обещала поужинать с Палмерами, чего ей совсем не хотелось). Весь оставшийся день Вероника провела за пишущей машинкой.

Было темно, когда в окне она увидела возвращавшихся Джона и Мэри.

Глава 4

Завтрак проходил как обычно. Из угла слева лился нескончаемый водопад слов, исторгаемых миссис Палмер. Её муж со свежей газетой в руках привычно вставлял слова одобрения и согласия там, где надо. Справа, подальше от них, сидели Коннор и Леонард. Миссис Робинсон, её сестра и дочь занимали стол в центре.

Вошла Вероника, она по традиции проспала начало трапезы. Рука миссис Палмер взмыла в приветственном жесте. За другим столом Веронику встретило напряжённое в ожидании лицо миссис Робинсон.

Поздоровавшись со всеми, мисс Бёрч присоединилась к Палмерам. Пять минут, сказала она себе, больше не выдержать.

Трескотня Софи Палмер как будто и не прерывалась с начала завтрака:

– Разумеется, я так и сказала той женщине: «Вы не можете разговаривать в комнате для отдыха. Разве вы не видите, что люди после бани пытаются

расслабиться? Если вам так хочется поболтать, идите в бар и болтайте с барменом». В конце концов, разве не для этого придумали бары? Что ты думаешь, Дик? Я правильно ей сказала?

– Всё верно, – кивнул мистер Палмер, соглашаясь с критикой в адрес недавно вышедшего фильма о нескончаемых достоинствах сегрегации.

– Её нужно было проучить. В конце концов, если бы я не поставила её на место, она бы так и трещала про свою подругу в Ницце, у которой было семь выкидышей, и все, кто с нами там был, могли не получить от отдыха в спа желаемого удовольствия, за которое они – и Мы – заплатили деньги. А цены там действительно выше среднего. Я на ресепшен им так и сказала: «У вас цены выше среднего». Правда, Дик, я так и сказала?

– Вне всяких сомнений, – прокомментировал Палмер мысль из рецензии о недопустимости такого вздора на экранах американских кинотеатров.

– Мы с Ричардом провели весь вчерашний день в том спа. Конечно, далековато отсюда, но таксист был крайне вежлив, должна признать. Если бы не та женщина, бубнившая прямо с соседнего шезлонга целую вечность, но опять-таки, если бы не Я, взявшая на себя смелость наступить на её болтливый язык... Какое чудесное утро, я должна сказать. Кто-то скажет, оно ничем не отличается от вчерашнего, а вчерашнее от позавчерашнего, но я никогда не позволяю мыслям киснуть подобным образом. Я – оптимист. Ты согласен, Дик?

– Тут иного мнения быть не может, – мистер Палмер перевернул страницу.

Голос миссис Палмер вдруг стал тише:

– Вы сделали правильный выбор, присев к нам, мисс Бёрч. Мне кажется, эта женщина раздражает всех вокруг себя. Видите, как далеко сидят её сыновья? Они и вчера, если помните, там сидели. Потому что она их раздражает. Она и эти её кошмарные духи с запахом травы!

Вероника Бёрч, не став уточнять, что вербеной пахла она сама, изобразила удивление:

– Вы так считаете?

– Гляньте на её дочь. Сидит надутая, как будто ей за шиворот снега насыпали. Нет, с этой семьёй что-то не так. Что-то неверно во всей картинке. Моя знакомая миссис Патридж гадает по руке. Она нагадала мне вторичную дисменорею ещё до того, как я стала мучиться, только представьте. Вообще она чудесная женщина. Она бы с ходу определила, что не так в этой семье. Так к чему я вела? Ах да. Вы не откажетесь съездить с нами сегодня в это спа? Вы и я чудесно провели бы время. Дик останется в баре, ему всё время не с кем поболтать. Там можно заказывать массаж сразу на двоих, мы бы обсудили с вами всё на свете! Мне о стольком хочется вас расспросить! Уверена, вы знаете кое-кого из моих подруг...

– Миссис Палмер, вы очень любезны, но после завтрака я уезжаю.

– Как? Уже? Куда?

– Я еду в отель «Мамонт».

– Кататься на лыжах? О, Ричард, ты слышал? Мисс Бёрч едет кататься на лыжах! Дик меня каждый день пилит своей болтовнёй о том, что хотел бы сделать наш отдых чуточку активнее. Дик, ты слышал? Лыжи, как ты и мечтал. Может, нам стоит присоединиться к мисс Бёрч?

Мистер Палмер впервые оторвался от чтения и впервые взглянул на Веронику Бёрч.

– Ну что ж, – сказал он, – это можно устроить. Только если мисс Бёрч не сочтёт нас надоедливymi стариками.

– Глупости, Дик! Мисс Бёрч – национальное достояние Америки и всего мира. Я уверена, дорогая, вам здесь, как и мне, просто недостаёт общения с простыми смертными из родной страны. Ведь так?

Вероника не была уверена в этом.

– Я буду счастлива, – она посмотрела на часы и встала. – Что ж, увидимся в автобусе.

Вероника прошла к столу, за которым заканчивали завтрак женщины из семьи Робинсон. Миссис Робинсон сказала:

– Присаживайтесь, мисс Бёрч.

За столом, как всегда, царило напряжение.

Вероника заказала чай с молоком и один тост. Она кинула пару ничего не значащих фраз, чтобы как-то разрядить атмосферу. Эмили кивала и улыбалась, Тамара отвечала односложно – да, нет, вероятно. Мэри была пасмурнее тучи.

Вероника спросила:

– Мэри, вам понравился замок на горе?

Мэри подняла на неё глаза.

– Я видела вас с мистером Робинсоном вчера, вы шли в сторону замка.

Молчание.

– Отвечай, Мэри, когда тебя спрашивают, – сказала Тамара Робинсон. – Тебе понравился замок?

Мэри, выдержав паузу, произнесла:

– Он ничем не отличался от тех, что мы уже видели.

Вероника кивнула:

– В самом замке ничего особенного, но вид, открывающийся с горы...

Мэри резко встала.

– От этого вида меня чуть не стошнило. Пойду соберу вещи.

Тамара крикнула ей вдогонку:

– Мэри! Мэри! Ох, мне плохо!

Она схватилась за сердце. Эмили вскочила с места.

– Что принести? Вызвать врача?

– Кажется, давление. У меня гипертонический криз, – Тамара посмотрела на Веронику.

Мисс Бёрч, сохраняя ледяное спокойствие, налила из графина воды.

– Выпейте. Дышите ровно. Сейчас всё пройдёт.

Тамара сделала пару глотков. Подумав о чём-то, она встала.

– Пойду будить Джона. Он вчера напился до чёртиков. Коннор, Леонард, вам помочь собраться?

Коннор и Леонард, один пристыженно, другой раздражённо, покачали головами.

– Ну, тогда увидимся у автобуса через час. Не опаздывайте. – Миссис Робинсон удалилась.

Мисс Нортон сказала:

– Они с Мэри с начала завтрака на ножах.

– Мэри всегда такая с родителями? – спросила Вероника.

– О, с Джоном она бывает очень милой. Но Тамару просто ненавидит.

Вероника решила спросить в лоб:

- Вам не кажутся странными отношения Мэри с отцом?

- Странными? В каком смысле? Нет вроде. Они прекрасно ладят и общаются. Но вот с Тamarой...

Полилась старая песня. Святая простота, подумала Вероника.

По пути к себе наверх она услышала срывавшиеся голоса. Вероника остановилась и прошла к одной из комнат. Это был номер мистера и миссис Робинсон. Дверь была приоткрыта.

Мэри кричала:

- Ты не имеешь права позорить меня перед другими людьми!

- Это ты позоришь себя и нас всех, - отвечала Тамара, не давая себе сорваться на крик. - Ты хоть понимаешь, как ты подставляешь всю семью? Что о нас будут думать!

- Как меня достали твои нравоучения! Ты не даёшь никому дышать!

Из комнаты вылетел Джон Робинсон, его лицо напоминало примятую бумагу.

Столкнувшись в коридоре с мисс Бёрч, он резко выпалил:

- Как они меня достали! Ничего решить без криков не могут! Вы уже завтракали?

Вероника кивнула.

- Я только проснулся. Ладно. До встречи, - он поспешил вниз.

Вероника продолжала слушать.

Тамара попыталась смягчить тон:

- Пойми, дорогая, Джон старше тебя на много лет. А такое поведение неестественно! Это, в конце концов, отвратительно!

- Перестань лезть не в свои дела! Я сама разберусь, как и с кем мне себя вести! Джон ненавидит, когда ты так поступаешь!

- Он тебе не Джон! Он твой отец, а я твоя мать!

- Только на бумаге!

- Как только он услышит, как ты со мной разговариваешь...

- Что? Что он сделает? Сдаст меня в приют? А тебя будет наконец-то на руках носить? Ты считаешь, что я виновата в ваших ссорах?

- Перестань со мной так разговаривать! Ты ещё ребёнок, Мэри!

- Я не ребёнок! Слышишь?! Я не ребёнок!..

Вероника решила, что с неё довольно, и поднялась в свой номер. Интересно, как бы она реагировала, окажись на месте Тамары? Да она бы в первую же секунду отправила эту соплячку в самую строгую школу для девочек. Оплеуху зарядила бы уж точно. Тамара слишком с ней церемонится. Вероника оделась, упаковала вещи. Автобус будет через полчаса. Она успеет забежать в фотоателье и забрать снимки. Спускаясь, она услышала, что ссора и не думала сбавлять обороты.

- ...Я тебя ненавижу! Ненавижу!.. - кричала Мэри.

Вероника быстро дошла до города, забрала конверт с готовыми фотокарточками и вернулась в отель. Один из портье предложил помочь с багажом, и они вдвоём поднялись к ней в номер.

- ...чтобы какая-то пигалица вешалась на моего мужа... какой позор... - всё ещё читала нотации Тамара.

Спустившись, Вероника дала на чай швейцару. Перед гостиницей стоял автобус, водитель и один из портье грузили чемоданы. Коннор и Леонард сидели в лобби. Джон Робинсон курил снаружи. Вероника присела и заказала кофе. Вскоре к ней присоединились Палмеры, но поболтать миссис Палмер не успела – через пару минут их позвали в автобус. Последней в него забралась миссис Робинсон с обиженным выражением на лице. Ей досталось место в конце рядом с Эмили, вдалеке от Джона и Мэри, сидевших вместе. Автобус тронулся.

Через полчаса его путь проходил среди высоких скалистых гор. Сыпал снег и залеплял окна, сквозь него проглядывали строгие заострённые очертания Альп.

Автобус остановился у небольшого домика, служившего кассой подъёмника. Пассажиры вышли на свежий колющий воздух. Водитель объяснил, что для гостей отеля «Мамонт» подъёмник бесплатный и что багаж он загрузит в следующую кабинку.

Выходившая последней из автобуса Тамара жалобно простонала:

– Джон, помоги мне выйти!

Её муж, закуливший в тот момент, резко обернулся и подал руку. На его лице читалось явное раздражение.

В кабинке фуникулёра было шесть рядов сидений, по два в каждом.

Первыми в неё вошли Палмеры, они заняли самые верхние места. Вероника Бёрч села перед ними. Перед мисс Бёрч сели братья Коннор и Леонард, а перед ними села Мэри. Вошедший следом Джон Робинсон, поколебавшись, сел не с Мэри, а перед ней. Кажется, Мэри это не понравилось. Нижние сиденья заняли сёстры. Эмили вела Тамару под руку, та еле шла, держась одной рукой за сердце, другой за поясницу, вероятно, не решив ещё, что у неё болит.

Вероника усмехнулась. Актриса из Тамары, безусловно, никудышная. И если вчерашний трюк с лестницей смог вызвать чувство вины у Джона, то сегодняшние показательные выступления выглядели до крайности жалкими.

Механизм натужно заскрипел, кабинка, как из последних сил, поползла вверх. Начали отдаляться автобус, из которого выгружались чемоданы, и деревянный домик с причудливой треугольной крышей. На стёкла налетали и медленно таяли крупные хлопья снега, рисуя узоры, превращаясь в воду.

Все молчали. Даже миссис Палмер (что удивительно!). Вагон фуникулёра производил зловещие скрипы, выплёвывая их в монотонном ритме.

На полпути, когда железная дорога раздвоилась и мимо проехала вторая кабинка (пустая), миссис Робинсон, глянув через плечо, спросила:

– Долго нам ещё?

– Откуда я знаю? – буркнул Джон Робинсон и добавил: – Сиди спокойно. Мы же терпим.

– У меня всё затекло, – с обидой сказала Тамара. – А в автобусе укачало. Ты же знаешь, что мне нельзя сидеть в конце автобуса!

Мистер Робинсон, видно было, сдержался из последних сил.

Эмили Нортон тревожно прошептала:

– Бедняжка, ты такая бледная!

– Да я ужасно себя чувствую, просто ужасно! – вскрикнула миссис Робинсон. – У меня давление! Гипертонический криз! Руки-ноги онемели! А на меня все лают!..

– Господи, только здесь не начинай! – вскипел Джон.

По лицу Тамары Робинсон потекли слёзы.

– О, моя дорогая! – Эмили полезла в сумку и достала запечатанную бутылочку травяного ликёра. – Сейчас, сейчас...

Она попыталась открыть крышку о сиденье, но ничего не вышло. Эмили повернулась к Джону Робинсону. Тот схватил бутылку, но тоже не смог открыть.

– Коннор, у тебя консервный нож?

– Да, сейчас, – Коннор полез в рюкзак и покопался в нём. – Наверное, в чемодане. Давай, я так открою.

– Не откроешь, у меня же не получилось, – сказал мистер Робинсон.

– У меня получится. Передай бутылку.

Бутылочка ликёра через Мэри передалась Коннору. Тот, немного повоевав с ней, всё же сумел отколупать крышку.

– Эй! Аккуратней! – вскрикнул Леонард, ему на брюки пролилось немного, запахло спиртным.

– Извини. Мэри, передай.

Открытая бутылочка перешла из руки Коннора в руку Мэри, из руки Мэри в руку Джона, а из руки Джона в руку Эмили.

– Всё будет в порядке, моё солнышко, вот, попей, – проговорила ласково мисс Нортон.

Руки миссис Робинсон не взяли бутылку, голова не повернулась, слёзы продолжали течь. Королева Тамара обиделась на всех. Эта мысль позабавила Веронику. В самом деле, сколько ещё ехать? Поскорее бы...

Эмили как опытная медсестра, знававшая больных и покапризнее, уверенно поднесла горлышко к губам Тамары и понемногу напоила её, приговаривая:

– Вот так, моя хорошая, сейчас станет лучше.

Миссис Робинсон посмотрела на неё сквозь слёзы.

– Ты думаешь?

– Конечно. Верь мне.

– Эмили, ты себе даже не представляешь... не представляешь, какие муки я сейчас испытываю! – в истерике, заикаясь, шептала сестре Тамара. – А я всем только мешаю! Мне больно, понимаешь? А все на меня ополчились! Эмили... Всем наплевать... Я постоянно думаю о смерти... Мне так одиноко... так... одиноко...

Мисс Нортон обняла её.

– Всё пройдёт, вы помиритесь, вот увидишь. Всё будет как прежде.

Всё будет как прежде...

Именно это загадала Тамара Робинсон на острове. Чтобы Джон вновь её любил, как тогда, двадцать лет назад...

Ведь это была любовь, настоящая...

А сейчас? Что у них сейчас?..

Часть III

Отель «Мамонт»

Глава 1

Офицер секретной службы Пол Каннингем глядел в окно уже минут десять. Глядеть было особо не на что – кружило бесконечное облако снега, из-за

которого закрыли лыжную трассу.

Месьё Фабьен, невысокого роста человечек и ко всему владелец отеля «Мамонт», нервно пощипывал свою козью бородку.

– М-да, – тяжело выдохнул Каннингем. – Ситуация крайне неприятная.

– Кошмар! Злой рок над моим отелем! Это самый натуральный кошмар!

Каннингем присел в кресло. Слово «кошмар» за последние два дня звучало чаще любого другого.

Месьё Фабьен эмоционально жестикулировал и в очередной раз повторял:

– Сам бог послал вас, дорогой Поль! Вы должны мне помочь. Репутация отеля под ударом...

– Ну, не бог послал, а вы сами пригласили меня, – сказал Каннингем.

– Да, но я приглашал вас отдохнуть, быть моим почётным гостем! Я не просил вас обнаруживать мёртвые тела в подъёмниках!

Перед Каннингемом вновь и вновь представала сцена двухдневной давности. Он вышел покурить после прекрасного ленча (месьё Фабьен не соврал насчёт квалификации его повара) и, гуляя, добрёл до фуникулёра. Ему показалось, что в кабинке из-за сидений выглядывали ноги. Он вошёл в кабинку и обнаружил бездыханную женщину, лежавшую на полу...

Пол Каннингем вытер сухие уголки рта. Это был высокий худой мужчина лет шестидесяти (а возможно, и семидесяти) с добрым лицом и грустными, как у собаки, глазами. У него были длинные кисти рук с набором костлявых пальцев, напоминавших пальцы смерти, и большой и острый, как скала, нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Notes

1

Паспорт! (словен.)

2

Американский (словен.).

3

У доктора не югославская фамилия (словен.).

4

Да, да! (словен.)

5

Мы не торгуем пуговицами (словен.).

6

Это дуб! (словен.)

7

Полиция? Здесь? Нет! Никакой полиции! Зачем? (словен.)

8

Район Венеции.

9

Имеется в виду Огородная Мадонна – одна из достопримечательностей Каннареджо.

10

Классическое пальто с капюшоном, дафлкот. В Великобритании дафлкот также называют термином monty coat – по прозвищу британского фельдмаршала Бернарда Монтгомери, часто носившего такое пальто.

11

Программа помощи Европе после Второй мировой войны. Выдвинута в 1947 году государственным секретарём США Джорджем К. Маршаллом и вступила в действие в апреле 1948 года.

12

Невеста должна молчать! (словен.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/branto_toni/smert-na-funikulere

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)